

РУДОЛЬФ ЭРИХ РАСПЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА
МЮНХГАУЗЕНА

Рудольф Эрих Распе

**Приключения
барона Мюнхгаузена**

«Public Domain»

1785

Распе Р.

Приключения барона Мюнхгаузена / Р. Распе — «Public Domain», 1785

«Прямо из дому отправился я в Россию, в самой середине зимы, совершенно правильно рассуждая, что в зимнюю пору на севере Германии, Польши, Курляндии и Лифляндии проезжие дороги, которые, по свидетельству всех путешественников, еще убийственнее дорог, ведущих к храму Добродетели, должны улучшиться благодаря снегу с морозом – без всякого вмешательства власть имущих, обязанных печься об удобствах населения. Поехал я верхом. Это самый практичный способ сообщения, конечно, при отменных качествах и лошади, и ездока. Тут, во всяком случае, не ввяжешься неожиданно-негаданно в поединок с каким-нибудь щепетильным немецким почтмейстером, да и томимый жаждою почтальон не станет самовольно завозить вас по пути в каждый шинок. Оделся я в дорогу довольно легко, и холод порядком донимал меня по мере того, как я подвигался на северо-восток...»

Содержание

Часть I	5
Приключение первое	5
Приключение второе	8
Приключение третье	13
Приключение четвертое	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рудольф Эрих Распе

Приключения барона Мюнхгаузена

Часть I

Приключения на суше

Приключение первое

Прямо из дому отправился я в Россию, в самой середине зимы, совершенно правильно рассуждая, что в зимнюю пору на севере Германии, Польши, Курляндии и Лифляндии проезжие дороги, которые, по свидетельству всех путешественников, еще убийственнее дорог, ведущих к храму Добродетели, должны улечься благодаря снегу с морозом – без всякого вмешательства власть имущих, обязанных печься об удобствах населения.

Поехал я верхом. Это самый практичный способ сообщения, конечно, при отменных качествах и лошади, и ездока. Тут, во всяком случае, не ввяжешься неожиданно-негаданно в поединок с каким-нибудь щепетильным немецким почтмейстером, да и томимый жаждою почтальон не станет самовольно завозить вас по пути в каждый шинок. Одежда я в дорогу довольно легко, и холод порядком донимал меня по мере того, как я подвигался на северо-восток.

Можно себе представить, как при такой стуже и ненастье чувствовал себя несчастный старик, на которого я нечаянно наткнулся в Польше. Он лежал на голой земле у края дороги, дрожащий, беспомощный, едва прикрывая свою наготу жалким рубищем, неспособным защитить его от пронзительного северо-восточного ветра.

Мне стало ужасно жаль беднягу. Сам я совсем околел, но тем не менее набросил на него свой плащ.

После этого я как ни в чем не бывало поехал дальше, не останавливаясь до тех пор, пока меня не застигла ночь, окутав все вокруг непроглядным мраком. Ни огонька, ни звука, которые указывали бы на близость селения. Все окрест лежало под снегом, я сбился с дороги и заплутался.

Верховая езда утомила меня до полного изнеможения. Пришлось слезть с лошади, которую я привязал к какому-то крепкому колу, торчавшему из снежного сугроба.

Захватив с собою, ради безопасности, свои пистолеты, я улегся поблизости на снег и так здорово уснул, что продрал глаза только уже среди бела дня.

Каково же было мое изумление, когда я очутился на церковном дворе! Сначала я решил, что моей лошади и след простыл. Но вот я услышал где-то наверху конское ржание. Поднимаю глаза и вижу: конь мой висит на поводу, привязанном к шпилью колокольни.

Тут я сообразил, в чем дело. Деревню за ночь совсем занесло снегом, потом погода резко переменилась. За время сна я незаметно опускался все ниже, по мере таяния снега, пока не достиг твердого грунта; а то, что я принял в темноте за сломанное деревце, торчавшее из сугроба, оказалось шпилем колокольни с флюгером, к нему-то и была привязана моя лошадь.

Не раздумывая долго, схватил я пистолет, выстрелил в ремень, на котором болталось бедное животное, и, благополучно получив его обратно в свое владение, продолжил путь.

Все шло хорошо, пока я не добрался до России, где зимою и вовсе не принято ездить верхом.

Мое правило – приспособляться к обычаям той страны, куда занесет меня судьба; поэтому я достал одноконные саночки и, повеселевший, покати́л в Петербург.

* * *

Не могу припомнить, где именно случилось со мной одно происшествие: в Эстляндии или в Ингерманландии, знаю наверняка только, что дело происходило в дремучем лесу. За мною погнался страшный матерый волк. Побуждаемый жестоким зимним голодом, он вскоре настиг меня, и мне, казалось, уже не было спасения. Машинально бросился я ничком в сани, предоставляя лошади спасать нас обоих по ее разумению.

Тут случилось то, чего я смутно желал, не смея, однако, рассчитывать на такой счастливый исход.

Волк действительно не обратил никакого внимания на мое тощее тело, но, перепрыгнув через меня, яростно накинулся на лошадь, растерзал и моментально проглотил всю заднюю часть несчастного животного, которое продолжало мчаться во весь дух, вне себя от страха и боли.

Благополучно избегнув неминуемой гибели, я тихонько приподнял голову и с ужасом увидел, что голодный зверь все дальше и дальше вгрызается в свою добычу. Дав ему время поглубже зарыться во внутренности лошади, я огрел волка кнутом. Тот с перепугу рванулся что было мочи вперед; тогда труп лошади шлепнулся наземь, а волк очутился в ее шкуре и хомуте. Я же не переставал беспощадно хлестать его, и таким образом оба мы, здоровы и невредимы, примчались стрелой в Петербург, совершенно против нашего обоюдного чаяния и к немалому изумлению встречающих.

* * *

Не стану, милостивые государи, докучать вам пустой болтовней, описывая порядки в роскошной русской столице, процветание в ней наук и искусств и всякие ее достопримечательности, и того менее хотелось бы мне познакомить вас с интригами и забавными приключениями в избранном петербургском обществе, где, между прочим, принято, чтобы хозяйка дома, встречая гостя, непременно подносила ему рюмку водки из своих рук и громко чмокалась с ним.

Напротив, я намерен привлечь ваше внимание к более достойным и благородным предметам, таким, например, как собаки и лошади, до которых я всегда был страстным охотником, а кроме того, к лисицам, волкам и медведям, водящимся в России, как и всякая дичь, в таком совершеннейшем изобилии, о каком не имеют и понятия в иных странах.

Затем мы, наконец, перейдем к увеселительным поездкам, молодецким забавам и славным подвигам, украшающим дворянина получше обрывков тарабарщины, именуемой греческим языком и латынью, или разных благовонных изделий, коков да завитушек, придуманных французскими умниками и парикмахерами.

Поскольку я не мог немедленно поступить на службу в армию, то у меня оставалось около двух месяцев свободного времени, которое я волен был тратить в веселой компании, как и свои деньги, самым благороднейшим манером, прилично своему званию.

Ночи у нас проходили за игрою или кутежом при звоне полных рюмок.

Холодный климат России и нравы русской нации способствовали тому, что здесь бутылка заняла гораздо более почетное положение промеж общественных удовольствий, чем то, которое занимает она в нашей трезвой Германии. Немудрено, что я встречал среди русских истинных виртуозов по части благородного искусства выпивки. Однако все они и в подметки не годились одному седобородому генералу с медно-красным лицом, обедавшему обыкновенно с нами за общим столом.

Этот старик потерял в сражении с турками верхнюю часть черепа, поэтому, как только в нашем обществе оказывалось незнакомое лицо, он с самой задушевной обходительностью

извинялся за то, что принужден сидеть за столом, не снимая шляпы. За обедом генерал имел привычку опорожнять по несколько графинчиков водки, а под конец обычно запивал эту порцию бутылкой арака или же, смотря по обстоятельствам, удваивал ее. Тем не менее почтенный ветеран при этом нисколько не хмелел.

По-вашему, это выходит за всякие мыслимые рамки?

Извиняю вас, господа; я и сам долго терялся, не зная, чем объяснить такие странности, пока одна случайность не дала мне в руки ключ к этой любопытной загадке.

Дело в том, что наш собутыльник время от времени как будто машинально слегка приподнимал свою шляпу. Я нередко видел этот жест, не придавая ему, однако, никакого значения. Что лбу генерала становилось жарко, было так же естественно, как и то, что старик освежал голову.

Наконец мне удалось подметить, что вместе со шляпой он приподнимает и приделанную к ней серебряную пластинку, заменяющую ему оторванный верх черепа. При этом винные пары от выпитых им крепких напитков улетучивались, устремляясь легким облачком вверх.

Таким образом непонятное объяснилось.

Я сообщил об этом некоторым закадычным приятелям, предлагая подтвердить в тот же вечер свое диковинное открытие наглядным опытом.

С курительной трубкой в руке незаметно подкравшись сзади к старику, я выждал, пока он снимет шляпу, и тут с помощью клочка бумаги поджег поднимавшиеся винные пары.

Нам тотчас представилось небывалое и красивое зрелище. В один миг испарения над головой нашего героя превратились в столб пламени, а часть паров, оставшаяся над волосами старика, мгновенно вспыхнув, образовала вокруг головы голубое сияние в виде нимба.

Мой опыт, разумеется, не мог быть не замечен им; однако генерал не только не рассердился, но даже позволял нам с тех пор повторять эти проказы. Каждый раз, когда за нашим столом появлялся новый человек, мы спешили устроить для него это ошеломляющее зрелище, а желая придать последнему еще больше блеска, начинали наперебой предлагать генералу пари на бутылку арака, старались при этом нарочно проиграть ему и заставляли выпивать его одного все количество выигранного им вина.

Наконец ореол ветерана разросся до таких размеров, что его обладателю уже не стало больше места между простыми смертными. В один прекрасный день он покинул наш бранный мир, вероятно, с тем, чтобы переселиться в Валгаллу и пировать там среди героев, стяжавших бессмертие.

Приключение второе

Обхожу молчанием множество других веселых проказ, в которых, смотря по разным обстоятельствам, мы играли роль то действующих лиц, то зрителей. Теперь у меня на уме позабавить моих слушателей рассказом о несравненно более удивительных и интересных приключениях на охоте.

Было бы излишним упоминать о том, что я больше всего любил водить компанию с людьми, питавшими пристрастие к благородной охотничьей забаве и знавшими в ней толк. Постоянная смена впечатлений, доставляемых охотой, а также необычайное счастье, сопутствовавшее мне в моих охотничьих похождениях, делают эти воспоминания о временах моей молодости исключительно интересными.

Однажды поутру, выглянув из окошка своей спальни, я так и ахнул: расположенный по соседству большой пруд был весь усеян дикими утками.

Схватил я, не теряя ни мгновения, ружье, стоявшее тут же, в углу, и до того стремительно сбежал с лестницы, что треснулся лицом о дверной косяк. Из глаз у меня посыпались искры, однако мешкать было нельзя.

Добежав до пруда на расстояние выстрела, я уже хотел прицелиться, как вдруг, к своему отчаянию, убедился, что от моего ружья при жестоком ударе об дверь отскочил кремень.

Что оставалось мне делать? Терять время было невозможно. К счастью, я вспомнил, что происходило только что с моими глазами. Проворно взведя курок, я прицелился в заманчивую дичь и саданул кулаком по своему глазу. От сильного удара из него опять полетели искры, порох воспламенился, грянул выстрел, и я положил на месте пять пар уток, четырех хохлаток и двух лысух.

* * *

Присутствие духа – главное в молодецком удалстве. Солдаты и мореходы часто бывали обязаны ему своим спасением, однако и охотников выручает оно сплошь и рядом.

Вспоминаю я, как однажды, бродя по берегу озера, опять увидел с полсотни диких уток, которые были на этот раз рассеяны на таком обширном пространстве, что никак нельзя было рассчитывать положить одним выстрелом более двух-трех. На беду, в моем ружье оставался последний заряд; между тем у меня явилось непреодолимое желание унести домой непременно всю прилетевшую на озеро дичь, так как я ожидал к обеду довольно большое и приятное общество.

Вдруг мне пришла в голову счастливая мысль. В моей охотничьей сумке уцелел кусочек ветчинного сала – остаток взятой из дома провизии. Я взял собачью сворку, рассучил ее, чтобы сделать возможно длиннее, и привязал к концу кусочек сала.

Спрятавшись в прибрежном тростнике, я закинул в воду свою нехитрую приманку и стал ждать.

Вскоре, к моей радости, она была замечена одною из уток. Птица поспешно поплыла к ней и жадно проглотила это лакомое угощенье. Прочие утки бросились следом за первой.

Скользкое сало чрезвычайно быстро прошло по всем внутренностям утки и, выйдя из нее с другого конца, снова очутилось в воде, где было вторично проглочено другой, потом третьей птицей и так далее всеми поочередно до самой последней.

В каких-нибудь несколько минут моя приманка совершила путешествие по внутренностям всех уток, причем веревочка, к счастью, не оборвалась и птицы (все до одной!) оказались нанизанными на ней, точно бусы.

И вот теперь, преспокойно вытащив на берег мою незамысловатую снасть с пойманной дичью, я весь обмотался ею, после чего двинулся к своему дому.

Шел-шел и устал. Путь неблизкий, а тащить такое множество добычи становилось мне не под силу, и я уже начал сожалеть о своей ненасытности. Но тут стесняющая меня ноша принесла мне громадное облегчение. Все утки оставались еще живы! Оправившись немного от испуга и недоумения, они вдруг захлопали крыльями и попытались взмыть в небо.

Всякий другой на моем месте растерялся бы; я же воспользовался таким неожиданным оборотом дела и, поднявшись над землю, стал действовать в воздушном пространстве лапами своего камзола как веслом, чтобы устремить полет к своему жилищу. Когда уже летели над ним, я, чтобы спуститься на землю, торопясь, стал поочередно сворачивать шеи моим уткам. Эта операция представляла немалое затруднение, потому что я был принужден начать с самой передней, и если моя отчаянная попытка удалась, то лишь благодаря смелым кувырканьям в воздухе, которые я повторял столько раз, сколько было у меня птиц. Свернув шею последней утке, я медленно спустился в печную трубу и шлепнулся прямо на кухонный очаг, который, к большому счастью для меня, не был еще растоплен.

Трудно описать переполох, вызванный в кухне моим появлением таким не совсем обычным манером. Однако испуг кухонной челяди перешел в радость, когда прислуга, кроме своего господина, увидела еще и его богатую добычу, обещавшую изобильное угощение гостям и домочадцам.

* * *

Похожий случай вышел у меня и со стаей куропаток.

Я отправился на охоту опробовать новое ружье и уже расстрелял весь запас дроби, как вдруг, уже и не надеясь, увидел снявшуюся с места стаю куропаток. Желание добыть несколько из них в тот же вечер к своему столу подсказало мне одно замечательное средство, к которому я советую прибегать и вам, господа, при подобных обстоятельствах.

Подметив, куда опустилась дичь, я скорехонько зарядил ружье вместо свинца шомполом, конец которого заострил на скорую руку. После того я пошел на куропаток и выстрелил по ним в тот миг, когда они вспорхнули. Всего в нескольких шагах от меня мой шомпол опустился на землю с нанизанными на нем семью птицами, которые, должно быть, немало удивились, очутившись так внезапно на самодельном вертеле.

Недаром говорится: «На Бога надейся, а сам не плошай». Но чудо еще не довершилось. Подняв с земли пронзенных птиц, я только хотел запрятать их в свою охотничью сумку, как вдруг заметил, что они оказались уже изжаренными на шомполе, раскалившемся докрасна при выстреле. Перья с них опали, а мясо так аппетитно зарумянилось, что оставалось только положить их на блюдо и подавать на стол. При этом дичь приобрела особый пикантный привкус, который нравится утонченному гурману.

Другой раз попалась мне в одном из дремучих лесов России великолепная чернобурая лисица. Было бы жаль испортить ее драгоценный мех, пробив его пулей или зарядом дроби. Кумушка-лиса стояла, прижавшись к дереву.

В один миг я вытащил пулю из моего ружья, заменил ее крупным плотничьим гвоздем, выстрелил и попал так метко, что пригвоздил пушистый хвост красивого зверя к древесному стволу. После того, спокойно подойдя к лисице, я взял свой охотничий нож, рассек ей крест-накрест кожу на морде и давай хлестать животное нагайкой. Лисица скорехонько выскочила из своей шкуры да и была такова. Я же вернулся домой с богатым трофеем.

* * *

Случай и удача нередко исправляют наши промахи; в этом я убедился вскоре после сказанного происшествия.

Однажды увидел я в лесной чаще детеныша кабана, за которым бежала его matka. Выстрелив по ним, я, к сожалению, промахнулся. Только смотрю: что за чудо? После выстрела детеныш улепетывает что есть духу, а matka же стоит на месте как вкопанная.

Подойдя ближе, я присмотрелся к ней и убедился, что она ослепла от старости, почему и держалась зубами за хвост поросенка, служившего ей проводником – в исполнение сыновнего долга. Свинья бежала за ним, когда пуля, пролетевшая так благополучно для них и так неудачно для меня – между матерью и детенышем, перебила эту живую привязь. Обратившийся в бегство раненый поросенок-поводырь перестал тянуть за собою свинью, и она, естественно, остановилась в недоумении, не выпуская из пасти остатка отстреленного поросенчьего хвоста. Недолго думая, я ухватился за этот кончик и преспокойно повел слепую кабанью самку к себе домой – без малейшего сопротивления со стороны беспомощного старого животного.

* * *

Как ни страшны дикие свиньи, вопри куда как свирепее и опаснее их.

Однажды я, не готовый ни к нападению, ни к защите, наткнулся неожиданно-негаданно в лесу на матерого вепря. Едва-едва удалось мне скрыться от него за могучим дубом. Тогда разъяренное животное, думая поразить меня, ударило с такой силой по древесному стволу, что его клыки глубоко вонзились в дерево и застряли в нем.

«Погоди же ты, – подумал я, – теперь тебе не вырваться».

Схватив камень, я принялся заколачивать им клыки вепря еще глубже в твердый дуб. Как ни рвался зверь от боли и бешенства, его отчаянные усилия ни к чему не привели. И пришлось этому супостату волей-неволей дожидаться моего возвращения из соседней деревни, куда я сбегал за веревками и телегой, чтобы привезти его живьем к себе домой, что и ухитрился сделать без особенных затруднений.

* * *

Конечно, милостивые государи, вы слышали о святом Губерте – храбром покровителе охотников и стрелков, – а также о благородном олене, который явился ему в лесу со святым крестом между рогами?

Каждый год в удалой компании усердно воздавал я честь и хвалу охотничьему патрону и сто раз видывал священного оленя либо нарисованным в церквах, либо вышитым на гербах рыцарей. Блюдя правила чести и совести доброго охотника, едва ли сумею сказать определенно, водились только прежде такие олени с крестами или же они существуют и в наши дни. А только вот что вышло однажды со мною самим.

Когда на охоте расстрелял я все свои заряды, вдруг передо мной точно вырос из-под земли чудесный олень. Стоит и смотрит на меня, да так смело, словно знает, что мой патронташ и дробница совершенно пустехоньки.

Невмоготу мне стало: зарядил я ружье одним порохом, а вместо дроби присыпал к нему горсть вишневых косточек, которые добыл тут же, наскоро сорвав немного вишен и очистив мякоть. Этим зарядом я выстрелил по оленю и угодил ему прямо в макушку между рогами.

На один миг он был оглушен – пошатнулся, упал, однако вскочил и – давай Бог ноги.

Год или два спустя охотился я в том же лесу; вдруг – что бы вы думали? – откуда ни возьмись статный олень, а у него между рогами чудесное вишневое дерево, этак повыше десяти футов. Я тотчас припомнил свое давнишнее приключение, и так как еще с того дня считал это животное своей собственностью, то и уложил его метким выстрелом.

Таким образом в придачу к жаркому получился и замечательный десерт, потому что дерево было сплошь усеяно румяными вишнями, вкуснее которых я не пробовал до той поры.

Да, государи мои, как знать, пожалуй, какой-нибудь пылкий преподобный Немврод – настоятель монастыря или епископ, страстный любитель охоты, – вот на такой же манер украсил крестом между рогами оленя святого Губерта! Ведь духовные особы искони славилась искусством по части украшения чужих лбов, да и теперь усердно поддерживают эту славу. А добрый охотник в горячую минуту не разбирает ничего и ни перед чем не останавливается, лишь бы не упустить из рук лакомой добычи. Сужу по себе, потому что сам не раз подвергался соблазнам подобного рода. А в какие попадал я передряги, так уму непостижимо!

Например, как вам понравится вот хоть бы такой казус?

Однажды, в бытность мою в Польше, я, охотясь, был застигнут в лесу вечерними сумерками. Беда: ни света Божьего на небе, ни пороку в пороховнице! Повернул я восвояси, как вдруг валит из лесной чащи страшный медведь с разинутой пастью, и прямо на меня.

Напрасно обшаривал я проворными пальцами свои карманы в надежде нащупать остатки пороха и свинца. Мне попались под руку только два ружейных кремня, которые обыкновенно охотники берут про запас. Схватив один из этих кремней, я со всего размаха швырнул его в разинутую пасть медведя с такой силой и ловкостью, что камешек проскочил в самую глотку.

Не особенно довольный моим угощением, мишка повернул налево кругом, став на четвереньки задом ко мне, чем я и воспользовался, чтобы всадить ему второй кремень с другого конца. Пущенный не менее ловко, камешек не только попал по своему назначению, но в просторном пузе медведя еще и стукнулся что было мочи о первый. Раздался оглушительный треск, сверкнул огонь, и зверя моментально разорвало на части.

Говорят, искусный аргумент *a posteriore*¹, приведенный кстати, да еще вдобавок столкнувшийся хорошенько с аргументом *a priori*², разносил без остатка с не меньшим успехом иных свирепых ученых и философов с медвежьими повадками. Что же касается меня, то хотя на этот раз я остался здоров и невредим, однако не желал бы проделать вторично такой же штуки или столкнуться опять с медведем, не имея в запасе иных средств обороны.

Впрочем, мне точно было так уж на роду написано, чтобы на меня нападали самые страшные и лютые звери именно в то время, когда я не имел возможности дать им отпор, как будто всякий раз они угадывали мою беззащитность своим звериным чутьем.

Так, в один прекрасный день, охотясь, едва я успел свинтить кремень с моего ружья, чтобы немного наточить его, как вдруг вблизи раздалось медвежье стенование. Оглянулся: на меня идет лохматое чудовище, да так и напирает!

Все, что мог я предпринять для своего спасения, – это поспешно вскарабкаться на ближайшее дерево. На беду, влезая, уронил я мой охотничий нож, которым только что орудовал, и теперь мне нечем было закрепить винт ружейного кремня, ходивший ужасно туго. Между тем медведь остановился под деревом, и я должен был ежеминутно ожидать его нападения.

Выбивать искры из своих глаз, как я делал прежде, мне больше не хотелось. Не говоря уже о прочих неудобствах этого приема, я поплатился за него сильнейшей глазной болью, от которой с тех пор так и не смог избавиться. Торчавший стоймя в снегу охотничий нож точно поддразнивал меня с затаенным коварством; я пожирал его глазами, но никакие умиленные взгляды ничем не могли помочь беде. Наконец мелькнула мысль, столь же необыкновенная,

¹ Апостериори – на основании опыта, из опыта (*лат.*).

² Априори – независимо от опыта, до опыта (*лат.*).

сколько и счастливая, а именно: я принялся плевать на рукоятку ножа. На жестоком морозе моя слюна немедленно замерзала, и минуты через две из нее образовалась предлинная ледяная сосулька, доходившая уже до нижних ветвей дерева. Я ухитрился дотянуться до нее рукою и без особенного труда, но с величайшими предосторожностями с помощью такого хрупкого приспособления достал наконец свой нож. Едва мои окоченевшие пальцы успели накрепко завинтить ружейный кремень, как мишка пожаловал уже ко мне с визитом.

«Право, – подумал я, – надо быть медведем, чтобы так удачно выбрать момент».

Вслед за тем с дерева грянул такой приветственный салют в честь дорогого гостя, что тот полетел кувырком и тут же распрощался с жизнью.

В другой раз так же неожиданно бросился на меня огромный волк. Не имея иного средства обороны, я инстинктивным движением засунул ему в разинутую пасть свой кулак и, защищая собственную жизнь, проникал в его горло рукою все глубже, глубже, глубже, пока она почти до самого плеча не погрузилась в волчью утробу.

Но что же делать далее? Не могу сказать, что такое беспомощное положение было мне по душе. Оказаться лицом к лицу с волком! Я думаю, это дело нешуточное. Мы поглядывали один на другого весьма недружелюбно. Стоило мне вытащить из пасти зверя свою руку, и он бы кинулся на меня с удвоенной яростью – это слишком ясно читалось в его горящих глазах. И тогда ухватил я его покрепче за кишки, тряхнул хорошенько, вывернул наизнанку на манер перчатки, кинул наземь – да и был таков.

Однако я не рискнул прибегнуть к такому же приему, когда вскоре после этого в одном из узких переулков Петербурга за мною погналась бешеная собака.

«Нет, тут давай Бог ноги!» – сказал я себе, сбросил с плеч тяжелую шубу для пущей прыти да и юркнул в первые попавшиеся ворота.

А шуба, доложу вам, была дорогая, подбитая роскошнейшим мехом из голубых песцов, которых я настрелял собственноручно во время наших великолепных зимних охот. Я послал за нею потом своего слугу в полной уверенности, что она не пропала благодаря безлюдью на улицах, куда никто не решался в тот день высунуть нос, так как появление бешеного животного заставило всех попрятаться по домам.

Ценная вещь действительно нашлась и была возвращена мне в целости, после чего я велел убрать ее в платяной шкаф вместе с прочей одеждой.

Как же я наутро испугался, когда у меня в квартире поднялся адский гвалт и я услышал голос своего лакея Ивана, громко звавшего меня из уборной:

– Пожалуйста сюда, господин барон, ваша шуба взбесилась!

Прибежав на его зов, я увидел почти все мои платья разбросанными и разорванными в клочья. Слуга в самом деле не ошибся: моя любимая шуба взбесилась, вероятно, будучи искусана бешеной собакой. Я как раз сделался очевидцем того, как она яростно напала на мой новый парадный камзол и давай трясти его, топтать, возить по полу, не щадя ни бархата, ни золотого шитья!

Только с помощью сокрушительных ударов палкой удалось нам угомонить забияку, после чего в доме водворилось наконец спокойствие.

Приключение третье

Во всех приведенных мною случаях, когда моя жизнь почти каждый раз висела на волоске, меня выручало слепое счастье, чем я умел пользоваться благодаря личной храбрости и присутствию духа. Такие условия, как известно, и способствуют появлению удачливых охотников, воинов и мореходов. Тем не менее надо быть весьма безрассудным и неосторожным охотником, адмиралом или генералом, чтобы во всякой ситуации рассчитывать лишь на свою счастливую звезду, собственную отвагу и находчивость, пренебрегая мудрыми расчетами, подготовкой к предстоящему делу и не заботясь о материальных средствах, необходимых для успеха предприятия. Что касается меня, то я не заслужил упрека в нерадении. Могу с гордостью сказать, что явное превосходство моих лошадей, охотничьих собак, огнестрельного и холодного оружия, как и выдающееся умение владеть им, создали мне самую лестную репутацию среди знатоков. Ни в лесу, ни в отъезде поле не уступал я искуснейшим звероловам, изучив до тонкости все виды этой благородной забавы. Не стану подробно описывать вам, господа, мои конюшни, псарни, как и свой домашний арсенал, предоставляя хвастаться подобными вещами пустоголовым фанфаронам дворянского звания, помешанным на лошадях, собаках и охоте. Не могу, однако, обойти молчанием двух собак, до такой степени отличившихся у меня на службе, что я до сих пор сохранил о них благодарную память.

Одна из них была легавая – поразительно умное, чуткое, неутомимое животное; каждый, кто видел ее, завидовал мне. С нею можно было охотиться и днем и ночью. Когда темнело, я вешал ей на хвост зажженный фонарь, и ночная охота выходила у нас еще удачнее дневной.

Однажды – а случилось это вскоре после моей женитьбы – жена моя выразила желание сопровождать меня на охоту. Я поехал вперед выслеживать дичь, и вскоре моя собака остановилась перед громадной стаей куропаток в несколько сот голов. Я стал поджидать баронессу, ехавшую также верхом следом за мною в сопровождении поручика моего полка и грума, однако время проходило, а никто из них не показывался. Встревоженный таким долгим их отсутствием, я повернул назад и примерно на середине пути неожиданно услышал протяжные жалобные вопли; они раздавались как будто близко, хотя кругом не было видно ни одной живой души.

Сойдя с лошади, я припал ухом к земле и тут не только убедился, что стоны исходят из-под земли, но даже различил при этом голоса моей жены, поручика и грума. В то же время мне бросилось в глаза отверстие каменноугольных копей, черневшее невдалеке. Теперь не могло уже быть никакого сомнения в том, что баронесса и ее злополучные спутники провалились в глубокую шахту. Пустив лошадь в карьер, я поскакал в соседнюю деревню за рудокопами, которым в конце концов удалось, хотя с величайшими усилиями и после долгих приготовлений, вытащить несчастных из этого колодца, глубиной по крайней мере девяносто футов.

Сначала мы вытащили на свет Божий грума, потом его лошадь, потом молодого офицера, его лошадь, наконец баронессу, а за ней ее маленького клепера³. Удивительнее всего в этой истории было то, что при столь ужасном падении не пострадали ни люди, ни животные, не считая легких ушибов и царапин. Все отделались только жестоким испугом. Вы, конечно, понимаете, что об охоте не могло быть и речи. Если же вы, как я подозреваю, успели забыть за время моего рассказа о замечательной легавой собаке, то найдете простительным, что и я позабыл о ней в тот вечер, расстроенный жутким происшествием.

На другое утро мне пришлось отправиться по делам службы в двухнедельную поездку. По возвращении домой я тотчас хватился моей Дианки. Однако никто из домашних не вспомнил в мое отсутствие о ней: вся прислуга думала, что она убежала за мной. Теперь же, к моему

³ Немецкая порода лошадей.

величайшему горю, ее нигде не могли найти. Наконец мне пришло в голову: уж не сторожит ли она до сих пор найденную мною дичь?

Страх и надежда заставили меня в ту же минуту поспешить к знакомой поляне. Действительно, к моей невыразимой радости, верная собака делала стойку на том самом месте, где я оставил ее две недели назад.

– Пиль! – крикнул я.

Она рванулась вперед, и один меткий выстрел уложил на месте двадцать пять куропаток.

Однако несчастное животное едва смогло подползти ко мне, до такой степени обессилело оно от голода и усталости. Мне пришлось взять легавую к себе на лошадь, чтобы доставить ее домой, и вы, конечно, понимаете, что я покорился этому неудобству с величайшей готовностью. При заботливом уходе собака совершенно поправилась за несколько дней, а в скором времени помогла мне разрешить загадку, с которой я, по всей вероятности, никогда бы не справился без ее помощи.

Целых два дня я охотился за одним и тем же зайцем; Дианка беспрестанно выгоняла его, но под выстрел он никак не попадался. В колдовство я никогда не верил: для этого я слишком хорошо знал свет и видел слишком много необыкновенных вещей, но тут у меня уже ум заходил за разум. Наконец заяц подвернулся-таки мне, и я пустил ему вдогонку свой заряд. Косой покатился по траве, и как бы вы думали, что я увидел? Четыре лапы были у него под брюхом, а четыре – на спине. Когда две нижние пары утомлялись, он перевертывался, подражая искусному пловцу, умеющему плавать и на животе, и на спине, и бежал опять с удвоенною прытью на двух других парах лап, успевших тем временем отдохнуть.

Никогда после того не видывал я подобного зайца, да и тогда ни за что не удалось бы мне его увидеть, не будь у меня такой чудесной собаки. Дианка же до того превосходила всех представителей собачьего рода, что я без колебаний назвал бы ее единственной и неповторимой, если бы этой чести не оспаривала у нее моя же собственная левретка. Та была замечательна не столько своей красотой, сколько необычайной резвостью. Если бы вы, милостивые государи, могли ее видеть, то залюбовались бы ею и не нашли бы ничего странного в том, что я так любил ее и так часто брал с собою на охоту. Служа мне, эта собака бегала так скоро, так часто и так долго, что стерла себе ноги до самого живота, и в последнее время жизни я мог еще использовать ее как таксу, в качестве каковой она прослужила мне не один год.

Но еще в бытность свою левреткой она погналась однажды за молодым зайцем, который показался мне подозрительно толстым. На мою несчастную собаку было жалко смотреть: она была щенная, а между тем непременно хотела бежать так же резво, как и порожня. Я, поспевая за нею верхом, порядочно приотстал. Вдруг до меня донесся лай точно целой своры собак, но слабый и нежный. Я не знал, что и подумать. Подъезжаю ближе – передо мной диво дивное.

Зайчиха на бегу принесла зайчат, а моя левретка оценилась, причем число детенышей у обеих оказалось одинаковым. Зайчата инстинктивно пустились наутек, а щенки, также инстинктивно, вдогонку за ними, и мало того, что погнались, но и загнали новорожденную дичь. Таким образом, я окончил мою охоту, загнав шестерых зайцев шестью левретками, тогда как выехал в отъезжее поле всего с одной собакой.

Об этой удивительной левретке я вспоминаю с таким же удовольствием, как и об одной превосходной литовской лошади, которой не было цены. Досталась она мне при довольно любопытных обстоятельствах, когда, замечу, я имел случай отличиться как искусный наездник. Происходило это в Литве, в роскошном поместье графа Прщобовского, где я тогда гостил. Дамы сидели за чайным столом в парадной гостиной, где удерживали и меня, тогда как мужская компания спустилась во двор – смотреть молодого чистокровного скакуна, только что приведенного с конского завода. Вдруг под нашими окнами раздались крики испуга.

Я поспешно выбежал на крыльцо и увидел, что с молодой лошадей никому не сладить. Она рвалась, словно обезумев, становилась на дыбы и не подпускала к себе ни единого чело-

века. Никто не отважился не только сесть на нее, но даже к ней подступиться. Лучшие наездники стояли поодаль в тягостном смущении; страх и беспокойство читались на лицах у всех. Тут я одним прыжком очутился на спине артачившегося животного, которое опешило от такой неожиданности и не успело опомниться, как я уже справился с ним, пустив в ход все утонченные приемы умелой верховой езды.

Желая нагляднее убедить встревоженных дам в одержанной мною победе и рассеять их напрасный страх, я решился вскочить, как был, верхом, в распахнутое настезь окно гостиной. Здесь лошадь послушно ходила подо мною по этой громадной комнате и шагом, и рысью, потом скакала галопом, а в заключение, повинувшись моей руке, прыгнула на чайный стол, где послушно исполнила в миниатюре все приемы высшей школы к величайшему восхищению очарованных дам. Ее движения были так ловки, что от них не пострадала ни одна вещица из драгоценного чайного сервиза.

Мое искусство до такой степени расположило ко мне все дамское общество и самого хозяина дома, что престарелый граф со свойственной ему любезностью стал просить, чтобы я принял в подарок молодого коня. В то время русская армия под предводительством графа Миниха как раз готовилась выступить в поход против турок, и мне желали со всех сторон, чтобы, достигнув театра войны, я летал на моем лихом скакуне навстречу славным и громким победам.

Приключение четвертое

Чудесный конь, пожалуй, был для меня самым лучшим подарком, тем более что он предвещал мне благополучное участие в предстоящем походе, в котором я собирался впервые показать себя на боевом поприще и, конечно, мечтал отличиться. Благородное животное, такое послушное, но вместе с тем ретивое и горячее, одновременно ягненок и Буцефал, должно было постоянно напоминать мне о долге честного солдата и о поразительных бранных подвигах юного македонского героя.

Мы шли воевать, имея, по-видимому, главной целью восстановление славы русского оружия, несколько померкшей из-за неудач царя Петра на Пруте. И этого нам удалось достичь вполне, ценою хоть и крайне тягостного, но героического похода с множеством кровопролитных сражений под предводительством доблестного полководца, имя которого я назвал выше.

Скромность не позволяет людям подчиненным приписывать себе ратные подвиги и победы. Военная слава по обыкновению достается полководцам, невзирая на незначительность их личных достоинств, или, уж совершенно незаслуженно, – королям и королевам, которые нюхают порох только на маневрах, знакомы с походной жизнью лишь по лагерным сборам в мирное время, а боевой порядок войска видят на смотрах и парадах.

Ввиду всего этого я не имею никаких притязаний на славу, которую стяжала наша армия в многочисленных сражениях с неприятелем. Все мы сообща исполняли свой долг, а это слово на языке патриота, воина, короче – порядочного человека имеет гораздо более глубокий смысл и более обширное значение, чем утверждают праздные краснобаи.

Поскольку в то время я командовал гусарским полком, то много раз возглавлял разнообразные экспедиции, организация которых всецело возлагалась на меня ввиду моей опытности, знаний и мужества. Значит, я могу, не кривя душой, приписать успех наших самостоятельных военных действий как себе, так и моим храбрым сотоварищам, слепо вверявшим мне свою участь, когда я водил их к победам.

Однажды мы отбивали нападение турок, совершивших вылазку под стенами города Очакова, причем наш авангард попал под сильнейший огонь. Мой ретивый конь-литвин едва не умчал меня в самую свалку.

Я занимал довольно отдаленный передовой пост. Вдруг вижу: от города надвигается на нас неприятельская колонна в густом облаке пыли, мешающем мне определить хотя бы приблизительно ее численность и планы.

Я мог прибегнуть к избитой военной хитрости, окружив себя таким же столбом пыли, однако это не помогло бы мне разобраться в ситуации и не подвинуло бы меня ни на шаг к той цели, достичь которой я был обязан. И я распорядился действовать иначе.

По моему приказу фланговые рассыпались по обоим флангам, поднимая страшнейшую пыль.

Я же в это время с остатком своего полка поскакал прямо на неприятеля, чтобы узнать, каковы его силы.

Мой расчет оправдался: турки держались и дрались лишь до тех пор, пока мои фланговые не нагнали на них страха, расстроив тем самым их ряды. Тут наступил момент храбро броситься на врага. Мы совершенно рассеяли его, разбили наголову и не только загнали обратно в крепость, но заставили совсем покинуть ее и отбросили мусульман очень далеко, на что даже и не рассчитывали.

Благодаря невероятной резвости моего коня я опередил всех преследователей. Когда же, очутившись в самой крепости, я увидел, что неприятель, ища спасения в бегстве, знай себе драпает через противоположные ворота вон из города, то счел за лучшее остановиться на базарной площади да приказать трубачу трубить сбор.

Остановился, оглядываюсь... Вот тебе раз! Позади меня ни трубача, ни кого бы то ни было из моих гусар.

«Что они, скажут, что ли, по другим улицам или куда-нибудь девались?» – подумал я.

Однако, по моим соображениям, гусары не могли быть далеко и негде было им замешкаться.

В ожидании товарищей повернул я своего запыхавшегося литвина к водопою, устроенному на площади. Он жадно припал к воде и пил ее, пил без всякой меры. Меня наконец удивило, почему бедное животное не в силах утолить свою жажду.

А между тем дело объяснилось довольно просто.

Когда я опять стал озираться по сторонам, отыскивая глазами своих солдат, что же представилось моему взору, как вы полагаете, милостивые государи? Вся задняя половина моей несчастной лошади, с крестцом и ляжками, была отрублена напрочь. И выпитая лошадью вода выливалась сзади, не принося животному ни прохлады, ни облегчения.

Как это могло случиться, оставалось для меня совершенной загадкой, пока не прискакал наконец ко мне – причем с противоположной стороны – мой конюх. Среди потока сердечных поздравлений, пересыпанных крепкими ругательствами, он сообщил следующее. Когда в сумятице неприятельского бегства я въезжал вслед за турками в крепость через ворота, сверху неожиданно спустили тяжелую железную решетку; она ударила моего коня по спине и разрубила его пополам. И вот отрубленная задняя часть, очутившись в густой толпе беглецов, отчаянно ломившихся в ворота, принялась жестоко лягаться, производя страшное опустошение среди них, а потом победоносно удалилась на ближайшее пастбище, где, по всей вероятности, мне будет легко ее найти.

Обрадованный такой вестью, я тотчас повернул назад, и передняя половина моей лошади, остававшаяся еще в моем владении, привезла меня на указанный луг необычайно быстрым галопом.

На мое счастье, здесь я действительно отыскал и другую ее половину, причем, к своему немалому удовольствию, убедился воочию, что задняя половина как ни в чем не бывало предается невинному развлечению. Оно было выбрано удивительно кстати. Самый изобретательный церемониймейстер не сумел бы придумать ничего более подходящего для забавы безголового субъекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.